

Л. М. Цонева

Велико-Търново, Болгария

БОЛГАРСКИЕ ВЫБОРЫ

НА ФОНЕ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. В работе анализируются особенности метафоры в болгарском политическом дискурсе. Предметом внимания являются метафоры из различных сфер-источников, которые переносятся в сферу-реципиент "Выборы". В результате анализа можно прийти к выводу, что активнее всего при отражении выборов в 2009 г. используются единицы из понятийной области "Финансы".

Ключевые слова: политический дискурс; нарратив выборов; метафора; метафорическая модель; финансовая метафора.

Сведения об авторе: Цонева Лиляна Михайлова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русистики.

Место работы: Великотърновский университет Святых Кирилла и Мефодия.

Контактная информация: България, 5002 гр. Велико Търново, п. к. 56.
e-mail: liliconeva@abv.bg.

L. M. Tsoneva

Veliko-Turnovo, Bulgaria

BULGARIAN ELECTIONS

ON THE BACKGROUND OF GLOBAL CRISIS

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article analyses peculiarities of metaphors in Bulgarian political discourse. Metaphors from different source-domains transferred into target-sphere "Election" are under study. The results show that 2009 election is described through the metaphor of "Finance" sphere.

Key words: political discourse; narrative of election; metaphor; metaphorical model; financial metaphor.

About the author: Tsoneva Lilyana Mikhailova, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Russian Philology.

Place of employment: St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo.

Метафора как средство концептуализации и оценки политических реалий вполне закономерно занимает важное место в исследованиях, посвященных политическому дискурсу, среди которых следует отметить работы Л. В. Балашовой, А. Н. Баранова, Э. В. Будаева, Ю. Н. Караулова, А. П. Чудинова и др., анализирующие разные стороны русской политической метафоры, в том числе и в сопоставлении с метафорами в других языках.

Болгарская политическая метафора (М.) изучена в значительно меньшей степени, и ее всестороннее описание можно считать делом будущего. Наши исследования, посвященные этой актуальной теме [Цонева 2006а, 2006б, 2007а, 2007б, 2007в, 2008, 2009а], позволяют определить как самые активные в болгарском публицистическом дискурсе наших дней метафоры из сфер-источников "Театр", "Война", "Спорт", "Медицина", "Дорога", "Финансы", "Кулинария", "Мир животных", активные и в публицистическом дискурсе других стран.

Основные теоретические положения, на которые мы опираемся, отражены в ставших классическими работах А. П. Чудинова [Чудинов 2001а, 2005]. Вслед за ним мы рассматриваем М. как основную ментальную операцию, как способ познания и оценки элементов мира, выполняющий различные функции, в том числе – функцию прагматическую: М. является средством создания и преобразования политической картины мира адресата, средством формирования у него того эмоционального состояния, которое необходимо адресанту [Чудинов 2005: 68].

Важно отметить, что в современном политическом дискурсе даже самые традиционные на разных этапах развития общества и языка модели и единицы преобразуются, в них акти-

вируются разные фреймы и слоты, возникают новые смысловые и оценочные оттенки. Это, на наш взгляд, можно отнести и ко многим лексикализированным М. [Кобозева 2010], которые "оживляются" благодаря их новому лексическому окружению, новой сочетаемости.

При анализе М. важно учитывать и то, что ее смысл зависит не только от словесного, но и от несловесного контекста, к которому относится природная, общественная и культурная среда, поскольку в ней человек живет и создает свои М. Почти всегда для понимания М. нужны фоновые знания о людях, событиях, политической ситуации в стране и т. д. Ср.: *Дали и този път бикът Симеон ще излезе невредим от очертаващата се като жестока изборна корида?* [Тема] – в уподоблении выборов корриде, а лидера партии НДСВ С. Сакскобургготского быку можно, по всей вероятности, найти «испанский след» – известно, что он провел большую часть своей жизни в Испании, и это нередко оценивается негативно его политическими оппонентами. Кроме того, в тексте идет речь о том, что 2009-ый год, год желтого быка, может быть успешным для «желтой» партии НДСВ.

Метафоризация новых единиц из традиционных понятийных областей, как и расширение круга понятийных сфер-источников, говорит о том, что воображение абсолютно неограничено в поиске исходной области сравнения [Петрова 2003: 16]. Ср.: *България под гилотината на кризата* [Стандарт]; *Сакскобургготски е наясно, че червеното ще е вредно през 2009 г. и изходът от изборната корида е на живот и смърт* [Тема].

Подобные примеры дают основание отметить одну из важнейших черт М. как семантической трансформации – творческий характер

переноса значения, причем творческим процессом можно считать как создание, так и понимание метафоры. Способность воспринимать М., как подчеркивает выдающийся болгарский философ И. Паси, предполагает подвижное, а не застывшее мышление, которое легко переносится из одной реальности в другую, осознает этот процесс и восхищается им [Паси 2003: 647]. Ср.: *Подир толкоз много гърмежи публиката взе да се усъмнява в чудодейните му качества на юнак, тръгна да бори ламята на организираната престъпност.* [Седем] – безуспешность борьбы с организованной преступностью дает основание для ее уподобления многоголовому мифическому животному *ламя* (рус. *змея*), у которого на месте отрубленной вырастает новая голова.

При метафорическом переносе могут возникать новые семантические оттенки, иногда неожиданные, и именно неожиданный, смелый перенос определяет силу многих М. – в них, благодаря странному на первый взгляд объединению двух далеких друг от друга реальностей, есть загадка, игра. Ср.: *В тяхно отсъствие ги наричат “жълти тамагочита”. Те не припарват до трибуната, не са активни в комисиите, а предаността им не излизала скъпо – похвала, обещанийце.* [Труд] – некоторые болгарские депутаты из партии НДСВ сравниваются с популярной в то время японской игрушкой *томагочи* – они почти незаметны в парламенте, и их нужно просто “кормить”.

Яркие, сильные, или, по мнению И. Паси, “хорошие” М., можно определить оксюмороном “отдаляющееся приближение” [Паси 2003: 560]: из чужой, далекой области можно посмотреть на предмет если не полнее, то по крайней мере с другой, новой точки зрения.

Источником материала в наших работах являются печатные и электронные версии центральных ежедневных газет (“Сега”, “Новинар”, “Стандарт”, “Монитор”, “Труд”, “24 часа” и др.) и центральных еженедельников (“Капитал”, “168 часа”, “Тема”). Примеры обычно приводятся без указания на авторство, хотя вопрос об идиостиле определенных авторов заслуживает отдельного исследования.

Материал из указанных источников используется и в настоящей работе, предметом которой являются особенности метафорического моделирования выборов в Болгарии, т. е. особенности М. из разных сфер-источников, которые переносятся в сферу-мишень (сферу-реципиент, сферу-магнит, куда-сферу) “Выборы”.

Отметим особо хронологические рамки исследования: они имеют очень важное значение, поскольку М., как известно, необычайно динамична, она понятна и действенна только “здесь и сейчас”, и ее нужно своевременно фиксировать и анализировать [Ширманов 2006: 170]. Наши наблюдения охватывают сравнительно небольшой, но важный в новейшей политиче-

ской истории Болгарии отрезок времени – 2009-ый год. Ведущей темой в рамках указанного периода можно считать выборы, и именно они обуславливают содержательные и лингвистические особенности политической речи. Выборам посвящается множество текстов в изданиях разной направленности, которые можно определить как политический нарратив [Чудинов 2002]. Это тематически связанные тексты разных жанров (аналитическая статья, интервью, репортаж, фельетон и т. д.), посвященные политической ситуации выборов – их организации, предвыборным программам партий, действиям ведущих политических субъектов, результатам голосования и т. д. Основные действующие лица в нем – политические субъекты, участвующие в выборах, к которым относятся в первую очередь лидеры политических партий в Болгарии (Б. Борисов, С. Станишев, А. Доган, В. Сидеров, И. Костов и т. д.), а также некоторые менее известные ранее личности, включившиеся в предвыборную гонку (Я. Янев, Хр. Ковачки и т. д.).

Для нарратива, как известно, характерны также локализованность в пространстве и времени. На наш взгляд, временные границы ситуации выборов следовало бы расширить и отнести к ней не только период выдвижения кандидатов, предвыборной агитации и само голосование, но и период после завершения выборов – период объявления и признания законности результатов, создания политических коалиций и формирования нового парламента и нового Кабинета министров. Именно этот, второй период нередко оказывается очень бурным и интересным: результаты выборов, как правило, вызывают очень эмоциональные реакции, чаще всего – удивление, разочарование, сомнение в правильности выбора. Если обратиться к цитатам из русской классики, то до выборов перед болгарами стоит вопрос «что делать?», а после объявления результатов голосования – не менее важный вопрос «кто виноват?». Выборы довольно долгое время являются основной темой для обсуждения не только в СМИ, но и в неофициальном общении, что особенно характерно для болгар, которые, согласно популярной шутке, считают себя большими знатоками в двух сферах – футболе и политике.

Следует отметить, что в 2009 г. в Болгарии прошли две избирательные кампании. Сначала, 7 июня, прошли выборы депутатов Европейского парламента. Как известно, с 2007 г. Болгария является членом Европейского союза, и выборы депутатов Европарламента проходят уже второй раз, причем оба раза сравнительно “вяло” – по данным СМИ, на последних выборах зафиксирована явка около 38 процентов при рекордно низкой явке в Европе вообще – около 43 процентов.

Чуть позже, 5 июля, прошли выборы депутатов Народного собрания – основного органа власти в Болгарии как парламентской респуб-

лике, – которые, без всякого сомнения, являются основным (в отличие от несколько «абстрактных» евровыборов) политическим событием внутренней жизни страны в 2009 г., определяющим жизнь граждан Болгарии на несколько лет вперед.

Можно сказать, что ситуация выборов в Болгарии в 2009 г. напоминает описанную А. П. Чудиновым ситуацию в России в 1999–2000 гг., когда выборы в Государственную думу с небольшим перерывом перешли в выборы президента, что позволяет воспринимать две избирательные кампании как единство [Чудинов 2005: 166–167].

В то же время ситуация выборов 2009 года, естественно, отличается от аналогичной ситуации в России и других странах [Чудинов 2005, Каслова 2003, Ряпосова 2002, Стрельников 2005], а также от ситуаций прежних выборов в Болгарии [Цонева 2006а]. В связи с этим приведем слова А. П. Чудинова о том, что «каждый новый политический нарратив <...> имеет специфические признаки, отражающие особенности политической ситуации: состав “героев” и “повествователей”, находящиеся в центре внимания проблемы, стратегия и тактика борьбы, типовые оценки тех или иных фактов и др.» [Чудинов 2005: 173].

Нельзя не учитывать, конечно, и другую особенность выборов 2009 года – они протекали на фоне глобального финансового и экономического кризиса, с которым неизбежно столкнулась и Болгария, так что дискурс выборов своеобразно переплетается с дискурсом кризиса, в том числе и в плане метафорического их моделирования.

Данный ниже анализ метафорического отражения выборов, прежде всего второй, более важной для болгар избирательной кампании, подтверждает важность М. как средства познания, оценки и воздействия на общественное сознание, как своеобразного зеркала, отражающего определенный, очень важный период в политической жизни Болгарии, ставший «катализатором» для активизации М. из определенных понятийных сфер.

Сначала отметим значимое отсутствие М. из некоторых исходных областей, которые считаются традиционно активными в политическом дискурсе.

В дискурсе выборов 2009 года отсутствуют, например, М. из области “Дом”, которыми обозначается создание политических структур, в более широком плане – развитие общества и страны вообще, и это говорит об отсутствии желания что-то созидать, строить и даже что-то менять, несмотря на то, что действия прежних правительств, как правило, не одобряются претендентами на власть.

Важной особенностью дискурса последних парламентских выборов можно считать и то, что в нем нет М. из понятийной области “Дорога”, в то время как различные фреймы и слоты

этой метафорической модели, детально представляющие направление развития Болгарии, способы и средства передвижения, лидеров и т. д., господствовали при отражении прежних выборов, например, в 2001 г. Ср.: *И ние все по често си задаваме въпросите: “Къде отиваме? Коя е крайната ни спирка?”* [Сега]; *Накъде вървим, не е ясно. Какво ще правим утре, в другиден – също. Блуждаем без цел.* [Земя] [Цонева 2007б].

Отсутствие таких М. сегодня, скорее всего, обусловлено тем, что Болгария уже как бы не сомневается в выборе пути, четко определив «европейский вектор» своего развития вступлением в Евросоюз и НАТО. Справедливыми в связи с этим кажутся слова известной журналистки В. Седларовой, что мы уже не стремимся в Евросоюз, для нас Брюссель уже не сияет путеводной звездой, уже нет светлой цели, которая заставляла бы нас самих казаться светлее [Седларова 2009].

В метафорическом моделировании болгарских выборов нет и М. из исходной области «Медицина», очень активных в политическом дискурсе вообще. Ср.: *Повсеместна шизофрения е обхванала държавицата.* [Сега]; *Здравната реформа изпадна в колапс* [Труд] [Цонева 2006б].

Единичны М., называющие природные бедствия. Ср.: *Независимо от убедителната си победа явлението ГЕРБ не се разви като политическо цунами, както това се случи с НДСВ преди 8 години.* [Монитор]

Яркий оценочный потенциал М. из этих двух сфер, на наш взгляд, направлен на моделирование экономического кризиса, о чем сказано дальше в работе.

Немногочисленны в рассмотренном нами материале и М. из сферы “Спорт”, тоже традиционные для политического дискурса. Выборы в 2009 г. сравнительно редко представлены как спортивный поединок (еще реже – как *feag play*). Ср.: *Че ще забравят за какъвто и да било феърплей по време на мача, е съвсем ясно.* [Монитор]; *Една от малкото добри новини около стартиращата предизборна надпревара е, че всички основни състезатели вече са били във властта. Печелили са този мартон, били са на почетната стълбица* [Сега].

Это можно объяснить активностью других метафорических моделей, прежде всего модели “Финансы”, которая более реально концептуализирует выборы в Болгарии, где дух соперничества, состязания, честного поединка уступает место силе денег.

Единичны и М. из сферы “Семья”, представляющие отношения между политическими силами как отношения любовно-семейные: *Кризата отложи брака на десните* [Стандарт].

Более того, ситуацию выборов не без оснований определяют как “сезон ненависти”:

В българския сезон на омразата през лятото на 2009 г. всеки е потенциален обект на черен пиар, а Бойко Борисов – очаквано най-много [Тема]. Поэтому, если создание предвыборных коалиций определяется как брачный союз, то чаще всего это брак по расчету: *Добре е ГЕРБ и сините да не си развалят приятелството с брак по сметка* [Монитор].

Обратим внимание и на М. из некоторых сфер-источников, которые используются при отражении выборов 2009 г., хотя и не являются в текстах господствующими. К ним можно отнести некоторые метафорические модели, традиционно очень активные в болгарских СМИ вообще и в дискурсе выборов в частности.

Так, выборы 2009 года сравнительно реже, чем в прежние годы, представлены единицами из концептуальной сферы “Война”, чья активность в болгарских СМИ вообще дает основание подумать, что в Болгарии идет война всех против всех – не только между политическими противниками, но и внутри партий, а также в сферах вполне «мирных» [Цонева 2006б].

Естественно, самые ожесточенные битвы идут во время выборов: *Очертава се безмилостна битка за всеки потенциален глас, в която някои от партиите безспорно ще зложат на изпитаното компроматно оръжие за масово поразяване на противника*. [Монитор]; *Защото изборите са битка без компромис – тактиката на изгорената земя не е само военно понятие* [Сега].

Самые частотные М. здесь – *битка, борба, бой*: *Битката за доверието или доверчивостта на избирателите вече започна*. [Монитор]; *Никой обаче не анализира доколко позитивните предизборни кампании бяха някакъв полезен коз в предизборната борба* [Сега].

Глагольных М., как правило, меньше: *Бойко срази червените* [Труд].

Политические бои почти всегда продолжаются и после выборов: *Кой да каже, че спечеленото сражение е само първата фаза на голямата битка? И че победата вчера е на простосмъртните избиратели, а от днес започват истинските действия на фронта?* [Новинар]

Особенно обостряются отношения между политическими силами при формировании нового парламента и нового Кабинета министров. Так, текст *A la guerre comte a la guerre*, который базируется на милитарных М., представляет подготовку к созданию нового Кабинета министров летом 2009 года как подготовку к войне. Представление отношений между политическими силами после выборов военными терминами в этом тексте связано, на наш взгляд, и с обозначением нового премьер-министра Б. Борисова одним из его прозвищ – *Генерала*, которое как бы “ведет за собой” единицы из данного семантического поля. Ср. их скопление в начале текста: *Генерала стяга армията си и праца командири на всички фронтове. Оти-*

ващата си власт трескаво копае траншеи и се готви за окопна война. <...> Защото на война като на война. Ще има атаки по въздух, море и суша, ще има маневри, диверсии и диверсификации на позволените средства [Сега]. (Отметим здесь важность вопросов, требующих отдельного исследования – о развертывании одной метафорической модели в тексте, об акцентировании М. в рамках текста, о взаимодействии метафорического заглавия и текста [Чудинов 2005].)

Метафорическая модель “Театр”, к которой обычно относят все, что связано со сценой, зрелищем вообще, в болгарском политическом дискурсе в целом представлена очень богатым набором единиц. В дискурсе выборов 2009 года тоже немало театралных М., которые обозначают болгарское общество как сцену, выборы – как спектакль, политиков – как актеров, режиссеров, сценаристов или суфлеров, а избирателей – как публику: *Евтин и изтърган трик от познатия до болка репертоар на участниците в родната политическа пиеса*. [Монитор]; *Те са заместени от безразличието на нацията, забавлявана със сводки от политическата сцена, чиито герои падат и стават като в буфонада, дошла след трагедията и фарса*. [Сега]; *Синята циркова трупа не се е оттеглила от сцената, тя просто изчаква антракта, за да премине към второ действие* [Сега].

Активны при моделировании выборов М., называющие развлекательные, «несерьезные» жанры (*комедия, фарс, водевиль*). Самые частотные в дискурсе выборов М. – *шоу и цирк*, которые отличаются от собственно “театральных” слов тем, что негативная оценка политических явлений в них выражена еще ярче: *Като дойдат избори, политиките искат за няколко месеца да затворим държавата и да гледаме политическо шоу*. [Тема]; *Шоуто влезе в политическите послания и поведението на политиките, отразени в медиите*. [Монитор]; *Смело можем да говорим за ново направление в изкуството на българската действителност – цирк в цирка* [Сега].

Элементы театрального можно найти и в некоторых действиях политиков после выборов, например, при формировании нового Кабинета министров: *Фронтменът Борисов обира лаврите на моноспектакъла “Измислям новите министри”, но сега, след като състави кабинета, спешно трябва да продуцира ново заманение за домакините пред телевизора* [Сега].

Преобладающая негативная оценочность этих М. формируется благодаря актуализации семантических компонентов “игра”, “несерьезность”, “неискренность, имитация истины”: *И тъй като зрелищата не може да са само в телевизора, властта се готви да ни представи най-голямото шоу, на което е способна – изборите!* [Сега]

Внимания заслуживают и немногочисленные в дискурсе выборы, но яркие М. из исходной области “Кулинария” [Цонева 2007а, 2008]. С помощью таких М. как нечто вкусное, аппетитное часто обозначаются власть и политика вообще. Ср.: *Изобито ако досега нещо се случваше в икономиката, то беше защото партияните вождове успяваха на моменти да се разберат кой какво парче от баницата да влачи в своя си катун* [Новинар].

Кулинарные М. занимают важное место в болгарской политической метафорике и отличаются ярким национальным своеобразием. Национальное, или культурное, своеобразие метафор, как подчеркивает Э. В. Будаев, обусловлено различными причинами, среди которых можно назвать геоклиматические условия ареала, где формируется данная культура, традиции и стереотипы поведения, равно как и другие факторы с многовековой историей [Будаев 2010: 20].

Особо следует отметить здесь фрейм “Названия блюд”, в котором названия различных блюд (*баница, гювеч, торта, кюфте* и т. п.) получают одинаковое метафорическое переосмысление, обозначая политическую карьеру и власть вообще как нечто съедобное, вкусное, привлекательное для кандидатов в депутаты.

Особое место среди М., обозначающих власть как источник наживы, занимает *баница* [Цонева 2007а]. *Баница* – любимое национальное блюдо болгар, обязательный элемент рождественского, а также праздничного стола вообще. Само слово *баница* имеет не совсем ясную этимологию и обычно относится к непереводаемым на другие языки реалиям. Его соответствием в русском языке нередко считают слово *пирог*, хотя между двумя блюдами на практике нет ничего общего. Важно, однако, подчеркнуть, что, обозначая разные вещи, эти два слова сближаются в своем метафорическом употреблении, объединяясь новой семантической идеей. Ср.: *Политиците отдавна си разпределиха държавната баница* [168 часа]. – *Если этого не случится, значит, народ опять “обнесут” при дележке государственного пирога* [Арг. и факты].

Все, в чем содержится экономический или властный ресурс, можно определить как *баницу* – символ земных благ для болгар: это и власть вообще, и ответственные должности, и бизнес, приносящий “легкие” деньги. Ср. яркий пример: *Очевидно изненадан и раздражен от появивлите се непредвидени кандидати да делят сладката парламентарна баница, той и верният му комсомолски секретар М. Димитров извадиха томаховките и директно ги наладнаха* [Монитор].

Как чисто болгарскую М. можно определить и *кюфте* (рус. *котлета из фарша*), одну из новейших политических М., история возникновения которой заслуживает отдельного описания. Этим словом, как и словом *баница*, обо-

значают политику и власть как способ обогащения и как цель для многих участников выборов: *Със СДС и ДСБ към депутатското кюфте!* [24 часа]

По мнению Я. Бориславова, слово *кюфте* давно уже вышло из кулинарной области и стало кодовым для обозначения власти и ее сладких удовольствий, получаемых в результате “свободных и демократических выборов” [Бориславов 2007].

Подобные М., как нам кажется, и дают основание И. Паси говорить, что М. сами по себе являются эквивалентом творческой мысли человека вообще, а новые М. (т. е. новые смыслы и значения слов), обогащая язык, придают ему “национальную физиогномику”. [Паси 2003: 576].

Из кулинарной области вышла и одна из ключевых М. новейшего времени – М. *пица*. Она тоже относится к дискурсу выборов, если в него включить и первые дни работы нового парламента. Слово *пица* впервые употребил метафорически новый министр финансов С. Дянков при обсуждении в парламенте бюджета на следующий год. Ср.: *Симеон Дянков: Бюджет 2010 е малка пица* [Монитор].

Буквально сразу эту М. подхватили журналисты и другие политики: *2010 = пица, ама по стна* [Стандарт]; *Отникъде взорът надежда не види – и от прословутата пица за догодина останала само костилката на маслинката*. [Труд]; *Малко парче от пицата* [Капитал].

Постепенно *пица* стала обозначать не только государственный бюджет или различные финансовые блага, пополнив таким образом список М., которыми концептуализируются власть и политика вообще.

Особого внимания заслуживает исключительно богатая «вторая жизнь» этой М., обусловленная как ее необычностью, так и актуальностью темы о бюджете и финансах вообще, важным положением С. Дянкова в экономической и политической жизни Болгарии и т. д. М. *пица* породила множество производных слов и вторичных М. Так, словом *пицария* стали обозначать парламент, министерство финансов, более того – Болгарию вообще: *Пицария на парче* [Капитал] – заглавие текста о процессе приватизации (т. е. процессе распродажи «по кусочкам») в Болгарии, обозначенной как *пиццерия*, где продают пиццу ломтиками.

Появление М. *пица*, употребляемой обычно иронически, имеет, на наш взгляд, более серьезные измерения. Ее «автор», министр финансов С. Дянков, учился и долгое время работал в США, поэтому, как он сам часто признает, плохо знает болгарскую действительность. Это в значительной степени объясняет его тягу не только к чужим, «неболгарским» мерам в здравоохранении, образовании, науке и т. д. (последствия которых народ уже испытал на себе), но и к чужим, «неболгарским» и поэтому не

очень удачным образом. М. *пица* сложно вписать в ряд традиционных болгарских М. из области “Кулинария”, в которых проявляется национальное своеобразие, ярчайший пример чему – М. *баница*. Ср.: *За разлика от баницата пицата е твърде млад кулинарен мит. Американската връзка обяснява промъкването и в образния свят на министър Дянков* [Сега].

Национальная специфика метафоризации проявляется и в зооморфных М., которые обычно активизируются в дискурсе выборов, что связано с их яркой негативной оценочностью.

Так, М. *мравки* (рус. *муравьи*) в последние годы часто используется для обозначения депутатов, которые почти незаметны в парламенте и которые голосуют по указке лидеров своих партий: *Укротяване на парламентарните мравки* [Монитор].

Как подчеркивает А. П. Чудинов, метафорическое употребление зоонимов связано с их прототипическими свойствами – с наиболее общими представлениями о характерных особенностях концептов, которые имеются в национальном менталитете [Чудинов 2001а: 134].

М. с агрессивным прагматическим потенциалом (*хищник, акула, пираня, кит*) обозначаются кандидаты в депутаты или политики вообще: *От няколко месеца жълтите бликат от енергия и идеи, апотеоз на които бе предизборният плакат, в който те се изобразиха като пираня, която плува срещу течението и се зъби на червените хищници* [Сега].

При метафорическом обозначении избирателей, наоборот, такой потенциал отсутствует; их наивность, доверчивость, даже глупость обозначаются названиями животных, иногда очень далеких друг от друга, но объединяющихся новой семантической идеей. Такими, например, являются слова *шаран* (рус. *каarp*) и *шиле* (рус. *молодой баран*), которыми названы наивные, легко поддающиеся манипуляции избиратели: *Провалът на водещата партия в тройната коалиция на изборите показа, че популацията на лековерните шарани силно е намаляла*. [Сега]; *Или журналистите, или читателите са големи шилета, щом продължават да списват и четат вестници като вечерашните* [Сега].

Можно заметить, что в болгарском дискурсе выборов названия рыб встречаются часто, в то время как в русском, по мнению А. П. Чудинова, они малочастотны [Чудинов 2001: 135]. Ср.: *Жълтата пираня, която плува срещу течението и срещу червените риби, е БСП* [Сега].

Довольно частотные М. *риба* и *шаран* связаны с уподоблением выборов рыбной ловле, в которой на удочку политиков ловятся не только доверчивые избиратели, но и другие политики при создании партийных коалиций. В тексте *Време за риболов* опытные политики из партии СДС (Союз демократических сил) стараются

различными способами «поймать на удочку», т. е. привлечь на свою сторону для создания коалиции как партию ГЕРБ (*большого кита*), так и маленькие партии (*мелких рыбок*). Ср. примеры из этого текста: *В първия прекрасен ден от новия сезон за риболов Командира пак се опита да ни преметне. Двамата с Мартин извадиха стръвта с лъжите, за да хванат на въдиците си поредните лапнишарани. Тясна цел, разбира се, е голямата риба в лицето на ГЕРБ, но биха се задоволили и с няколко по-дребни рибки.; Костов не е вечерашен, затова в нощта на изборите насочи вниманието си и към малките шарани. Защото по-добре няколко малки рибки, отколкото голям кит, който не се знае дали няма да те перне смъртоносно с опашката си* [Монитор].

На фоне названных метафорических моделей выделяется основная модель, бесспорно занимающая первое место в дискурсе выборов. Это метафорическая модель “Финансы”, в которой особенно детально представлены единицы из фрейма “Торговля” (*търговия, търговци, купуване, стока, сергия, сметка, пазарлък, алъш-вериш, далавера* и т. д.). Все они переносятся в область политики для обозначения предметов, действий, лиц, связанных с выборами. Ср.: *Едни се бутат, други се подпират, трети направо се млатят – ей така се вижда през оптиката на пресата шумното политическо тържище*. [Сега]; *Как вотът се превръща в стока* [Сега]; *Десен битпазар преди вода* [Монитор]; *Всекидневно четем как една или друга от десните партии преговаря с някого за предизборен съюз, как спорят и се пазарят, а накрая се спират на следващата сергия*. [Монитор]; *Пазарът за коалиции никога не е привличал толкова много клиенти* [Монитор].

В этой модели господствуют слова *пазарлък* и *алъш-вериш*. Эти слова, как и многие заимствования из турецкого языка, называющие предметы и действия бытовой сферы, исключительно активны в современном болгарском языке, прежде всего в разговорной речи, оказывающей, как известно, сильное влияние на язык СМИ.

В слове *пазарлък* (рус. *торг, спор о цене*) содержатся оттенки “нечестность”, “непрозрачность”, особенно актуальные для характеристики болгарской политической жизни: *“Пазарлък” е статистически най-често срещаната дума, когато се говори за тайните срещи по тъмни доби между С. Сакскобургготски и А. Доган* [Сега].

Слово *алъш-вериш* (рус. *торговля, купля-продажа*) исключительно “удобно” для обозначения мелкой, нечестной торговли: *Това е примитивното ниво на политическия алъш-вериш*. [Сега]; *Вестниците описват и последните алъш-вериш схеми за вода* [Сега].

Эти два слова, как и торговая лексика вообще, особенно актуальны при отражении со-

ставления депутатских списков накануне выборов: *Пазарлъци до дупка вляво и вдясно за депутатските листи* [Сега].

Политические торги, однако, продолжают и после выборов, при обсуждении будущего Кабинета министров и важнейших должностей в государстве: *Тройната коалиция влиза в сложен пазарлък за висши постове* [Сега]; *Сериозните пазарлъци за новите назначения започват* [Сега].

Подобная активизация метафорических единиц из области финансов, как подчеркивает А. П. Чудинов, говорит о воцарении денег в общественной жизни. Яркая негативная оценка, содержащаяся в таких М., обусловлена тем, что общество считает безнравственной даже саму попытку определить цену, за которую можно было бы приобрести некоторые вещи [Чудинов 2001б], к которым, на наш взгляд, следует отнести и право на голос, одно из важнейших прав человека в демократическом обществе.

Негативное отношение к «выборам без выбора» выражено и в следующем примере: *Предполагам, че всички се чувствате неудобно сега покрай разкритията за алъш-вериша с демократичното право на глас* [Сега].

Нужно подчеркнуть, что о купле-продаже голосов избирателей (прежде всего метафорической) говорили и раньше. Ср. примеры, подтверждающие наличие элементов торговли в выборах вообще: *Така и всички управляващи от всички правителства, при всички честни избори превръщат държавата в един денонощен магазин, който ще напуснат само като го изпразнят и ометат докрай.* [Сега]; *Въпросните политици отдавна си спечелиха етикета “търговци”, като се опитваха да продават партиите си и малкото хора в тях на всички поредни избори* [Монитор].

Процесс купли-продажи стал заметнее на предыдущих выборах в 2005 г., когда активизировалось и его метафорическое обозначение. Можно сказать, что тогда торговая М. была М. «лишь отчасти» – она, как отмечено у А. П. Чудинова, постоянно балансирует «между сказанным и несказанным, между прямым и метафорическим смыслом» [Чудинов 2001б], о чем говорит и употребление торговой лексики в кавычках. Ср.: *Заговори се успоредно за политически “пазарлъци” и “сделки”, макар че и на този “супер пазар”, както и на битака, пазарлъкът би следвало да предхожда сделката* [Труд].

Во время предвыборной кампании в 2009 г., однако, торговая лексика нередко ничуть не метафорична; она возвращается к своему прямому значению, т. е. речь идет о вполне реальном и хорошо налаженном процессе торговли голосами с соответствующими ценами, брокерами, местами осуществления сделок и т. д. Ср.: *Там шефът на предизборния щаб информира, че двама негови министри въртят алъш-вериш с гласове срещу цена от 300*

лева и от 60 лева. [Монитор]; *300 лева за глас в Първомай* [Монитор]; *Спишаха зам.-министър, въртял търговия с гласове.* [Монитор]; *По информация на гласоподавателите, на изборната борса маржовите играели от 25 до 100 лева* [Стандарт].

Торговля голосами стала почти легальной и приняла угрожающие размеры, несмотря на то что преследуется законом, о чем предупреждали рекламные телевизионные ролики всех партий, обязательно заканчивающиеся словами *“Купуването и продаването на гласове е престъпление!”*.

Еще более уродливым можно считать то, что взамен своего голоса за определенного кандидата или партию избиратели (причем не только социально слабые представители этнических меньшинств, как принято считать) получали даже не деньги, а продукты, вещи, рабочие места, денежные кредиты на льготных условиях и даже наркотики: *Лихвар намалява дългове срещу бюлетини* [Стандарт]; *Гласове срещу брашно купуват в с. Конево* [Стандарт]; *Купуването на гласове достигна съвсем цинични мащаби. Дилъри предлагат на наркозависими безплатно доза наркотици, за да пуснат бюлетина за определени партии и коалиции.* [Стандарт]; *Купуват вота и с дрога* [Стандарт].

Сказанное выше говорит о том, что процесс выборов все больше удаляется от нормальных демократических стандартов, лишая смысла понятие «выбор». Это явление можно считать яркой характеристикой «политической культуры» и уровня развития гражданского общества в Болгарии, требующей серьезного анализа, причем специалистами разных научных областей. Серьезного анализа заслуживают и результаты последних социологических опросов, которые публикуют СМИ – они позволяют увидеть рост числа людей, в том числе молодых и образованных, готовых продать свой голос.

Как уже было сказано выше, выборы – главное политическое событие в Болгарии в 2009 г., и их значимость для болгарского общества подтверждается богатством и разнообразием М., отражающих выборы и навязывающих обществу отношение к ним.

Обратим внимание и на метафорическое отражение мирового экономического кризиса, который, несмотря на силу его проявлений в 2009 г., можно считать скорее фоном, на котором протекают выборы.

Это можно объяснить прежде всего меньшей актуальностью кризиса для болгарского общества в то время. Кризис игнорируется правящей тройной коалицией, желающей показать успешность своей экономической политики, скрыть истинное положение дел, чтобы повлиять на мнение народа и обеспечить себе победу на предстоящих выборах. Кризис часто игнорируется и претендентами на власть, которые сосредотачивают свое внимание на дис-

кредитации политических противников и на предвыборных обещаниях. В то же время кризис и его проявления вызывают оправданную тревогу у многих политиков, аналитиков-экономистов и журналистов.

Неоднозначное осмысление кризиса в Болгарии и в других странах, его причин, силы, продолжительности отражается и в метафорической его репрезентации. Она имеет как особенности, характерные для политического интердискурса, так и отличия, которые обнаруживаются при сопоставлении, например, с русским политическим дискурсом [Цонева 2009а].

К отличиям можно отнести, во-первых, меньшую активность болгарских «кризисных» М., особенно в начале 2009 года; как уже было сказано, выборы как важнейшее для болгар событие как бы заслоняют другие, в некотором смысле абстрактные в то время события и явления, одним из которых является кризис.

Во-вторых, в болгарских М. слабее выражается «катастрофизм», характерный для М. в других языках – кризис представлен как явление, затрагивающее прежде всего США и другие развитые страны. Отметим, что кризис вначале действительно обрушился с большей силой на экономику крупных государств, в том числе на российскую, которая теснее связана с мировой. (В этом смысле примечателен болгарский анекдот: – *Наступит ли в Болгарии финансовый кризис? – Нет, потому что в Болгарии нет финансов.*) [Цонева 2009б].

Бесспорные «лидеры» в дискурсе кризиса – М. из понятийных сфер «Медицина» и «Природа». М. из этих двух сфер-источников формируют когнитивные модели, детально отражающие восприятие кризиса в общественном сознании и отношение к нему. Отметим еще раз, что в большинстве случаев М. используются для обозначения кризиса в других странах. Болгария же, в соответствии с официальной политикой, представляется как *остров стабильности* или *оазис*, т. е. как место, не затронутое кризисом. Ср.: *България дрейфува като остров на стабилността из вашингтонския и софийския печат* [Сега].

К таким «бодрым метафорам» критически настроенные журналисты и представители политической оппозиции относятся с иронией. Например, в тексте *БСП и кризата: La vie en rose* (Дневник) критически воспринимается поведение правящей партии БСП, стремящейся представить экономическую ситуацию в Болгарии в розовом цвете.

Многочисленные М. из исходной области «Медицина» представляют мир как больной организм (на фоне того, что можно назвать экономическим здоровьем – стабильность банковской сферы, промышленности, социальной сферы и т. д.). Выбор фреймов и слотов в данной метафорической модели демонстрирует сложность ситуации и, создавая общую картину безысходности, обреченности, мешает форми-

рованию возможных решений экономических проблем. Ср.: *Американската финансова болест обхвана много бързо почти целия свят и последиците вече се усещат навсякъде* [Сега].

Состояние экономических и кредитных структур чаще всего определяется как сложное или даже критическое, как состояние *коллапса*: *Банковата система на САЩ на практика от няколко месеца претърпява огромни загуби и е изпаднала в колапс*. [Новинар]; *Исландската финансова система изпадна в колапс още през октомври миналата година* [Тема].

Высокой частотностью употребления отличается слово *инжекция*, обозначающее финансовую помощь, которую государство оказывает банкам и фирмам. Негативная окраска в этих употреблениях усиливается ближайшим или широким контекстом, где такие меры определяются как неправильные, неэффективные, как национализация или даже возврат к социализму: *Пазарите ще бъдат контролирани от правителствата, а независимите досега компании и банки ще свикнат да разчитат все повече на държавни финансови инжекции* [Новинар].

Негативно, как правило, оцениваются и врачи, т. е. люди, которые должны помочь, спасти, но которые не желают или не способны сделать это. Ср.: *Но както икономистите, така и политиците са се вторачили главно в симптомите на кризата. Доколкото дават диагнози, действат като патологоанатоми, които режат мъртва тъкан, за да разберат какво я е убило, без реално да я лекуват* [Сега].

Во второй половине 2009 года, с приходом к власти нового правительства, обвиняющего прежнее руководство страны в «замалчивании» экономических проблем, активизируются другие фреймы – все чаще говорят о рецептах и лечении, то есть о путях выхода из кризиса, которые предлагает новый кабинет. Ср.: *Дянков намери рецепта за кризата* [Стандарт].

В начале 2009 года необычайно активизируется и метафорическая модель «Природа», прежде всего фрейм «Природное бедствие». Сюда можно отнести множество М., объединяемых силой, стихийности, разгула высших сил, не подвластных воле человека (*буря, цунами, торнадо, бедствие* и т. п.).

Экспансия метафорических единиц из этой сферы объясняется тем, что кризис понимается как неожиданная, непродолжительная, часто разрушительная стихия, в которую попадают люди и объекты природы. Самые частотные единицы в этой модели – *буря* и *цунами*: *Партиите разбират, че България няма да остане зона, която да не бъде засегната от бурята*. [Новинар]; *Според някои българската икономика е твърде малка, а финансовият ни пазар е слабо развит и затова бурята ще ни засегне слабо*. [Тема]; *За да намалим ефекта от*

това **икономическо цунами**, отговорността е както на фирмите, така и на домакинствата [Тема].

Еще ярче проявляется кризисный негатив в следующих М.: *Сегашната рецесия предизвика нуждата от интервенция на държавата като последна защитна преграда пред икономическата катастрофа*. [Монитор]; *Тогава фалитът на инвестиционната банка Lehman Brothers отприщи финансов Армагедон* [Капитал].

М. из этой сферы, как мы уже отметили, представляют кризис как неожиданно налетевшую стихию, как проявление хаоса, нарушение нормального порядка вещей, в них проводится аналогия между деструктивностью природных стихий и разрушительными мировыми экономическими процессами.

Очень ярко эта деструктивность выражается в метафорических глаголах, используемых для характеристики кризиса: *Световната криза разтресе и водещите автомобилни концерни в Европа*. [Новинар]; *Избухна кредитната криза [24 часа]*.

Интерес представляют и некоторые яркие единичные М. из далеких, неожиданных сфер-источников. Ср.: *Световната криза започна да прилича на големия адронен колайдер – малцина знаят какво представлява това нещо, но всеки разказва и дава акъл за него* [Сега].

Таким образом, в отражении выборов – важнейшего для Болгарии политического события 2009 года – можно найти как особенности, которые являются универсальными, так и особенности, которые можно определить как проявление национального своеобразия. Некоторые метафорические модели отсутствуют в дискурсе выборов или представлены единичными метафорами, другие, например “Выборы – театр”, “Выборы – война”, “Выборы – спорт”, очень активные в прежние годы, используются сравнительно редко. Они уступают место новым метафорическим моделям, в первую очередь модели “Выборы – торговля”, что свидетельствует о господстве материального начала в жизни общества.

Анализ названных и других метафорических моделей, активных во время важных для болгарского общества выборов, протекающих на фоне мировых экономических потрясений, может послужить базой для их сопоставления с метафорами в других языках, которое позволит выявить как сходства между ними, так и отличия, обусловленные особенностями национальной ментальности, национальной картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

Борислав Я. Кюфтета и власт. Тяхното емоционално сродяване издава плитък политически хоризонт // Сега. 2007. 12.05.

Будаев Э. В. Междисциплинарные истоки политической метафорологии // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32).

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. – М., 2008.

Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003.

Кобозева И. М. Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32).

Легурска П. Изучаване на националния манталитет върху езиков материал (опит за разширяване на предмета на съпоставителното езикознание) // Чудоезиково обучение. – София, 2000. № 3.

Паси И. Метафората // Избрани произведения. Т. 3. – София, 2003.

Петрова А. Езиковата метафора и балканската картина на света. – Велико Търново, 2003.

Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе “Российские федеральные выборы (1999–2000 гг.)”: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.

Седларова В. Черно, по-черно, избори 09 // Тема. 2009. № 19.

Стрельников А. М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

Цонева Л. Новите български метафори // Дни на науката. – В. Търново, 2006а.

Цонева Л. Газетная метафора и картина мира // Stylistyka XV, Styl i kultura. – Opole, 2006б.

Цонева Л. Баницата като метафора (Кулинарната метафора в българската публицистика) // Проглас. Кн.1. – Велико Търново, 2007а.

Цонева Л. Метафорические дороги России и Болгарии // Наука и культура России. – Мат-лы IV Междун. научно-практической конференции. Ч. II. – Самара, 2007б.

Цонева Л. Българският политически театър // Дни на науката. – Велико Търново, 2007в.

Цонева Л. Българската кулинарна метафора като средство за концептуално осмисляне на света // ВІСНИК Луганського національного педагогічного університету ім. Тараса Шевченка. – Луганськ, 2008. № 13 (152).

Цонева Л. Метафорическое моделирование экономического кризиса // Активные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и интернет-коммуникация: мат-лы междунар. конф. (19–21 июня 2009 г.) – Москва, 2009а.

Цонева Л. Смях по време на криза (икономическата криза като тема на анекдота) // Проглас. Кн. 1. Велико Търново, 2009б.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001а.

Чудинов А. П. Финансовая метафора в современной политической речи // Известия Уральского гос. пед. ун-та. Лингвистика. Вып. 7. – Екатеринбург, 2001б. URL: <http://philology.ru/linguistics/2>.

Чудинов А. П. Метафорическое моделирование в политическом нарративе “Российские выборы на рубеже веков” // Respectus philologicus. 2002. № 2 (7). URL: <http://filologia.vukhf.et/2-7/>.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2005.

Ширманов И. А. Концептуальная метафора в дискурсе президентской предвыборной кампании в США (2004 г.) // Политическая лингвистика. 2006. № 20.